

Р. 84. (2) Рос 6
М 12

Владимир Мамаев

ТИШИНА

С

± 86 + 84

Владимир Мамаев ✓

Р2
М1

ТИШИНА

—
ннссс

Сн

Ижморская
районная детская
библиотека
БЕРЕГИТЕ КНИГУ!

Кемеровское книжное издательство

1971

НЕМНОГО ОБ АВТОРЕ

Эта маленькая книжка — лаконичный дневник в стихах. А в дневниках обычно самое сокровенное, что больше всего болит и волнует. Владимира Мамаева, как и всякого человека нашего времени, волнуют главные заботы человечества — судьба мира, судьба детей, судьба творчества каждого и всех в целом. Но волнения эти у Владимира Мамаева особенные, объясняемые фактами его биографии: в 12 лет ему пришлось стать солдатом Великой Отечественной войны и почти три года воевать на фронтах.

А после войны 15-летний юноша пошел работать. Разные профессии пришлось попробовать. Работал, учился, писал стихи. Закончил техническое училище, где выучился на машиниста турбин и вот уже десять лет работает на Новокемеровской ТЭЦ. Это краткая жизненная канва, и фактов такой биографии вполне достаточно, чтобы на их основе писатель мог создать повесть или даже роман о судьбах советской молодежи, прошедшей через горнило войны и начавшей строить новую жизнь в мирных условиях. Роман или повесть написаны другими. А бывший солдат стал писать стихи.

Стихи, выношенные в сердце, возможно, иногда не совсем гладкие и умелые, но всегда искренние и горячие. И самые страстные, горькие из них — о войне, хотя первые стихи были написаны еще юным солдатом. Но они были не о войне, — о любви, о природе, о красоте мира. О войне начал писать гораздо позже.

Известный советский прозаик Юрий Яковлев писал недавно: «Есть события, которые время делает более значительными и зримыми, поворачивает новыми, неожиданными гранями. Такова война для тех, кто пережил ее. Может быть, поэтому о войне и я начал писать через много лет после того дня, когда отгремел салют Победы».

Владимир Мамаев, солдат и рабочий, выносит на суд читателей свой первый сборник стихов, впечатления и раздумья о том, что пережил за сорок кратких и чужих лет жизни.

Л. ГЛЕБОВА

МОЕМУ ОТЦУ

Я помню, как войне навстречу
Ты на рассвете уходил,
Как самокруткой над заречьем,
Припав к реке, туман дымил.
А мы стояли у излуки,
Как цепью, связаны бедой,
И вслед тебе тянулись руки
С одной надеждой и мольбой...
Ты не пришел, ты не вернулся,
Но продолжаешь жить во мне —
В моем дыханье, в моем пульсе,
В моих стихах, в моем труде!

СЧИТАЙТЕ КОММУНИСТОМ

Под свет коптилки мглистой
Два слова написал:
«Считайте коммунистом!»
И этим все сказал.
А ночью, под Варшавой,—
Погиб. Был жаркий бой.
И гнев друзей по праву
Встал в поредевший строй.
А над притихшей Вислой
Погожий день вставал.
Погиб он коммунистом,
И этим все сказал.

* * *

Н. К. ХВИНГИЯ

По весенним дорогам размытым,
А порою совсем без дорог
Шел солдат, что считался убитым,
Шел солдат — не идти он не мог!

Восемь суток без сна и без хлеба
Пробивался солдат к своим,
И чужое свинцовое небо,
Словно ворон, висело над ним.

И, казалось, сошелся клином
Свет на этих проселках глухих.
Пусть не все, но дошли до Берлина
Те, кто вычеркнут был из живых!

БЕССМЕРТИЕ

«Фашисты в бешенстве взорвали дуб, дупло которого было тайником партизан».

(Из газеты)

Взорвали дуб.
На мостовую, как на плаху,
Взметнувшись, рухнула
Седая голова.
Растаял дым,
И обездоленными птахами
Кружилась, падая,
Тревожная листва.
Взорвали дуб,
Сочатся болью корни,
Как будто в венах
Кровь земли кипит.
...Прошла война,
На месте черной скорби
Дубок-подросток
Вновь листвой шумит.

* * *

«СЕРГЕЙ ПЕТРОВ
1922—1941 гг.

(Надпись на обелиске
солдатской могилы)

Созрела рожь
На бывшем поле боя.
Спокойно спит солдат,
Землей храним.
А жизнь бурлит.
Шумит листвою
Березка белоствольная над ним.
Шумит, роняет
Слитки листьев,
Как ордена,
На холм седой,
И тишина, как сгусток мысли,
Висит над утренней землей.

ЗЕМЛЯНКА

На солнечной тихой полянке
Под старой сутулой ветлой
Стоит в три наката землянка,
Поросшая буйной травой.
Ступая по мшистым ступеням,
Я в дом наш военный вхожу,
И, кажется, замерло время...
Я прошлому в очи гляжу.
Здесь все бесконечно святое:
Растущий у входа цветок,
И ржавая каска с водою,
И петель дверных скрипотов.
Я в это жилье фронтовое
На встречу к друзьям прихожу
И молча сижу с своей болью,
И прошлому в очи гляжу.

НА РАЗЪЕЗДЕ

Я был тогда мальчишкою беспечным:
Погонами, медалями форсил.
Но эту, на степном разъезде, встречу
Пронес сквозь боль и радость — не забыл.
...Вокзалишко — времянка, наспех сшитая
Из обгорелых досок, горбыля,
И человек —
Лицо, морщинами изрытое,
Как в пахоту весенняя земля.
А мимо грохотали эшелоны:
«Покончено, покончено с войной!»
А он сидел на каменном перроне,
Как слиток скорби, горести людской.
Сидел на самодельном самокате.
И вдаль необозримую смотрел.
О чем он думал в этот час закатный?
Спросить его я так и не посмел.
А где-то в горьковатых синих гровах
Кузнечик безмятежно стрекотал.
...Так я узнал, что есть в победах траур,
В пятнадцать лет впервые я узнал.

КОСТЕЛ

Седой костел, как старец древний, —
Его не тронула война.
Молчит орган его напевный,
По кельям бродит тишина.
У входа статуи-монахи
Стоят бессменно на часах,
Для них нет ни войны, ни страха.
Не ружья — посохи в руках.
Лишь мать божья, как живая,
Глядит из ниши на солдат.
В ее глазах — тоска земная
И вековая боль утрат.
И, кажется, вот-вот промолвит:
«Поверьте, люди, бога нет!..»
На черепичной ветхой кровле
Разбрызган, будто кровь, рассвет.

МАКИ

Шел бой,
Бой яростный и жаркий,
А на пригорке, у реки,
На хрупких ножках маки яркие
Тянули к солнцу лепестки.
Смерть лютовала, смерть косила,
Давила, мяла и мела...
Но не было у смерти силы,
Чтоб эти маки сжечь дотла!

* * *

ЕВГ. БУРАВЛЕВУ

Кёнигсберг, сорок пятый.
Помнишь, Женя, тот бой?
Боль и радость той даты,
Не забыть нам с тобой.
Через тридцать и сорок —
Не забыть, не забыть!
Словно ржавый осколок,
Будет память хранить
Те последние метры,
Смертью дышащий дзот...
Кто-то должен был первым
Бросить душу в расход.
И бросали, горели
Мы на чёрном огне.
Как могли, как умели
Мы служили тебе.

О, Россия!

Пусть будет
Вечный мир над тобой!
Пусть спокойно спят люди
На земле, под землей.

ПОСЛЕ БОЯ

Бой отгремел, но еще долго
Земля, как палуба, качалась...
А окровавленные волны
Таранили бетон причала.

Они катали вал за валом,
Как вражьи цепи, шли и шли,
Но одолеть бетон причала
Морские волны не могли.

А мы смогли, мы одолели
Врага и ветер штормовой,
Мы прорубили к морю двери
И — пусть беснуется прибой!

ТИШИНА

Еще вчера была война,
Еще вчера гремело, охало,
А нынче зыбкая волна
О чем-то тихо шепчет, около,
Как лист опавший, шелестит
И мирно лижет серый берег...
У моря человек сидит,
И человек еще не верит,
Что все прошло, что нет войны.
Что он живой, что он вернется.
От непривычной тишины
Он тихо плачет и смеется.
А море ласково шумит,
И волны плещутся о берег...
У моря человек сидит,
И в тишину еще не верит.

33744 -

В. Мамаев

Ижморская
районная детская
библиотека
БЕРЕГИТЕ КНИГУ!

РОДИНЕ, РОССИИ

Не на китах, а на Иванах
Стояла и стоит она!
Как мать, к могиле безымянной
Щекой прильнула тишина.
А чуть поодаль — две березы,
Как вдовы скорбные, стоят,
И не роса — земные слезы
На листьях, на ветвях дрожат.
О, сколько их, немых курганов
Понаворочала война!
А в тех курганах спят Иваны.
И матерям их — не до сна.

ПАМЯТИ ГЕРОЯ

Где отыскать слова такие,
Чтоб скорбь людскую описать,
Когда в последний путь Россия
Героя вышла провожать?
Нет, мы еще не осознали
Всей полноты утраты той —
Ведь он не просто был Гагарин,
А первый наш полпред земной,
Взлетевший в черное безбрежье
На мощных крыльях Октября.
И ты ждала его с надеждой,
С любовью трепетной, земля..
Земля отцов, поля родные —
С крутых космических орбит...
О нем не только ты, Россия, —
Все человечество скорбит.

ПОЛУСТАНОК

Полустанок. В три дома поселок
И на тысячи верст — тайга.
Месяц неба сурового полог
На серебряных поднял рогах.
Здравствуй, милое захолустье,
Край мавиновый, край грибной!
Ты не хмурься, прими по-русски,
Я не пришлый, я здесь не чужой!
Эти кедры и сосны седые,
Что взметнулись в летящую высь,
Эти грустные избы России,
Это все — мое детство и жизнь.

В РАЙКОМЕ

Словно морской прибой, сомненья
Нахлынули со всех сторон.
Сижу один, смотрю на Ленина,
Как будто жду, что скажет он.
А память-водопад ворочает,
Как камни, даты, имена.
Я из династии рабочих,
Из тех, в ком и сейчас война,
Как эхо в Кара-Баш ущелье,
В ладони каменные бьет...
Мне дед сказал: «Жить беспартийным,
Оно, внук, легче, но наш род...»
И вот я здесь, сижу в райкоме,
Устав читаю в сотый раз.
Вдруг телефон зателефонил,
И секретарша: «Это вас...»
Вхожу, а сердце, словно колокол,
Набатит у меня в груди.
Нет, не всегда молчанье — золото,
Ты меня, дедушка, прости,

Что оробел твой внук. Бывает...
Но ты поймешь меня, мой дед.
Один лишь в жизни раз вручают
Секретари нам партбилет.
Тебе ль не знать: с седьмого года
Ты в партии большевиков.
Твоя нелегкая дорога
Красноречивей всяких слов.
...Иду. К закату день осенний
И первый день партийный мой.
И, кажется, товарищ Ленин
Шагает рядышком со мной.

Как море, дорога
Качает вагон,
Ни черта ни бога —
Летит перегон.
Бьют азбуку Морзе
О рельса колеса.
И падают звезды
В осенние росы...
Я падаю тоже
И снова встаю!
И — сабля из ножен —
Как прежде в бою!

ТУННЕЛЬ

Всего только пять минут
Сквозь туннель поезда идут,
Всего только шесть километров
Спорят с подземным ветром...
Целый год шел здесь бой,
Бой с гранитной скалой.
А всего только пять минут
Сквозь туннель поезда идут

* * *

На островке-поляне
Среди тайги густой,
Как снимок крупным планом, —
Сосна и кедр седой.

Их ветви, словно руки,
Сплелись — не расцепить...
А рядом — рядом внуки —
Их родовая нить!

* * *

Здравствуй, Север, мой старый знакомый!
Вот и встретились снова с тобой.
Отгремели тревожные громы,
Как живешь, материк голубой?
Десять зим, десять лет, десять весен,
Как южак, пронеслись, улёглись.
Не признал ты меня? Значит, осень,
Значит зрелость вошла в мою жизнь.
Не беда, что виски поседали —
В сердце буйный огонь не погас!
Все, что в юности мы не успели,
Мы сейчас наверстаем, сейчас!
И пусть злится, пусть яростно мечет
Вьюга белые карты свои...
Как любимой, я рад этой встрече:
Ты вернул мне забытые дни.

ТРАССА

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ РУССКИХ

Сквозь глухомань летит экспресс,
Колеса бьют чечетку.
Мы здесь с тобой валили лес,
На этих «Лысых сопках»:

Хлестал нас ветер по щекам,
Бил яростно, со злобой,
Но мы, наперекор ветрам,
Утюжили сугробы.

Рычали МАЗы, тягачи,
Неистово, как звери...
Сквозь вековые кедрачи
Мы прорубили двери.

Но неуступчива тайга,
Колюча и упряма.
Парней валила с ног цинга,
Харчей порой ни грамма.

Но путь один — вперед, вперед!
Сквозь дебри, крутояры.
Вздыхал устало вездеход,
Тараща в темень фары.

А парни шли. А парни шли,
До боли стиснув зубы.
А ветры жгли. А ветры жгли
Обветренные губы.

Сквозь глухомань летит экспресс,
А вот и наша «сотка»,
И слушает притихший лес
Ритм бешеной чечетки.

У ИСТОКОВ

Этажами бетонных громадин
Город в звонкую высь вознесен.
Вот бревенчатый дом с палисадом...
Деревенское детство — как сон.

Только старая ветхая мельница
Машет крыльями, будто зовет,
Да на взгорке ива-отшельница
Клад Зеленой горы стережет.

Голубые далекие были —
Словно отзвук погасшей звезды.
Для меня здесь начало России,
Я стою у истоков судьбы.

А внизу, словно улей пчелиный,
Работяги-БелАЗы гудят.

До свиданья, мой край журазлиный,
Мне пора, я в строю, я солдат.

Уношу я с собою отсюда,
От ангарских крутых берегов,
Светлый город — таежное чудо,
Горсть земли и зачин для стихов.

ТРУДОВЫЕ РУКИ

Они пропахли морем, рыбой,
Их стужа жгла, палил их зной,
Как две обветренные глыбы,
Они лежат передо мной.

Лежат на столике покато,
Сколоченном из грубых плах,
И, как швартовые канаты,
Бугрятся вены на руках.

Смотрю на руки трудовые
И вижу пашни, города...
Подвластны им дела любые,
Любая нипочем страда!

МОНТАЖНИКИ

Туман,
Как молоко сгущенное,
Стекал с таежных гор пологих.
Как в ризы,
В робы облаченные,
Шли не монтажники, а боги!
Я и поныне им завидую,
Их неподдельной, буйной страстности,
Их голубому богу-идолу —
Их злой романтике,
Их ясности.
Они,
Как на манеже клоун трость, —
Играючи, опоры вертят.
Я им кричу:
— Полегче, черти,
Своротите земную ось!
Они смеются. Смех их зычный
Густые будит кедрачи.
Люблю таких вот, не тепличных,

Они — как первые грачи.
А мимо мчатся электрички:
На Абакан, на Абакан!
Уходят в глубь тайги
Мальчишки
К подножью дремлющих Саян.

* * *

Гудят моторы, тяжело стонут,
Как будто им понятна грусть.
А под крылом апрель зеленый
В обновки наряжает Русь.
А там внизу — бегут дороги.
Куда, куда они ведут?
Мне здесь рукой подать до бога,
Но боги счастья не дают.
Я в эту мистику не верю —
Тебя одну боготворю,
Есть у меня любовь и вера
В свою апрельскую зарю.

* * *

Скажи — и я стану рекою,
Чтоб в полдень тебя напоить.
Скажи — и я стану скалою,
Чтоб в бурю тебя защитить.
Скажи — и я стану дорогой,
Что к счастью ведет твоему.
Все горести, боль и тревогу,
Как должно дороге — приму.

* * *

За окном моим зимний
Оловянный рассвет.
Ты ушла. Хрупкий иней
Опустился на след.
Затянул, словно раны,
Он следы на снегу.
Заметут их бураны,
Только я не смогу,
Замести, забуранить
В своем сердце твой след...
Лег на землю туманную
Одинокий рассвет.

ПРИЗНАНЬЕ

Прости, но не тебя — другую.
Как талисман, в душе храню.
Ее, замужнюю, чужую,
Чужую женщину люблю.
И разве я виновен в этом,
Что не могу ее забыть?
Что жду свиданья, как рассвета,
Чтоб душу светом напоить...
Чтобы ее теплом согреться,
Готов на край земли идти!
Огнем пылающее сердце
Готов на плаху принести.
Пойми меня, ведь я не властен
Над чувством солнечным, большим.
Я не виновен, что причастен
К обидам, горестям твоим.
Я и во сне сквозь синь, туманы
Иду навстречу к ней, бегу.
Как от вина — от счастья пьяный,
Хочу забыть и — не могу.

* * *

Мне все чего-то не хватает,
Я все куда-то тороплюсь.
Бывает солнечно, бывает,
Находит временами грусть.
А может быть, не грусть, а зрелость
Приходит, требует отчет:
За все, за все, что отболелось
И больше душу мне не жжет!
Как знать, но только стал я чаще
И строже сам себя судить.
С годами понял я, что счастье
Нельзя на части поделить.

* * *

В каком краю, у пристани какой
В последний раз я брошу якорь свой?
Кто будет рядом, враг мой или друг,
Когда замкнется жизненный мой круг?
Мне будет все равно. А впрочем, лгу:
Я и тогда, наверно, не смогу
Забить все то, чем я дышал и жил,
Что ненавидел в жизни, что любил.

ДРУГУ-ОДНОПОЛЧАНИНУ

Среди застолья, звонких тостов
Вдруг сердце больно защежит.
Нет, жизнь прожить совсем не просто,
А то, что прожил, как забыть?

Оно в душе, в ее глубинах
Лежит, словно на дне морском.
Но вдруг взрывается, как мина,
Оно в сознании твоём.

И нет покоя. Память снова
Ведет сквозь строй военных лет:
Сквозь лай орудий, смерть, сквозь голод...

А за окном твоим — рассвет.
И на плече — рука подруги:
Но ты в пути, ты где-то там...
Опять сквозь огненную вьюгу
Идешь к солдатским рубежам.

* * *

АЛЕНЕ, ДОЧЕРИ МОЕЙ

Опять февраль снега ворочает,
Опять мне будет не до сна...
А дочка спрашивает: «Очень,
Очень сердитая война?»

Что ей ответить, несмысленной?
Ей третий год, ей не понять.
Как умирали миллионы,
Чтоб ее детство отстоять.

Ей не понять отцовской боли
И слова страшного «война».
А за окном, как перед боем,
Висит густая тишина.

* * *

Иду, в людской поток вливаясь,
Как в речку малый ручеек.
Я не боюсь, что затеряюсь,—
Мне люб клокочущий поток!
Мне по душе упругость будней —
Работа на пределе сил.
Я не страшусь того, что трудно.
Мне этот ритм до боли мил.
Пусть жизнь вокруг меня клокочет!
Не оттого ли мне светло,
Что я в руках своих рабочих
Несу ей силу и тепло?

33744 —

Ижморская
районная детская
библиотека
БЕРЕГИТЕ КНИГУ!

СОДЕРЖАНИЕ

Немного об авторе	3
«Все, о чем пишу, — не высмотрел...»	5
Моему отцу	6
Считайте коммунистом	7
«По весенним дорогам размытым...» .	8
Бессмертие	9
«Созрела рожь...»	10
Землянка	11
На разъезде	12
Костел	13
Маки	14
«Кёнигсберг. Сорок пятый...»	15
После боя	16
Тишина	17
Матерй	18
Родине, России	19
Памяти героя	20
Полустанок	21
В райкоме	22
«Как море, дорога...»	24
Туннель	25
«На острове-поляне...»	26

«Здравствуй, Север, мой старый знакомый!...»	27
Трасса	28
У истоков	30
Трудовые руки	32
Монтажники	33
«Гудят моторы, тяжело стонут...»	35
«Скажи — и я стану рекою...»	36
«За окном моим зимний...»	37
Признание	38
«Мне все чего-то не хватает...»	39
В каком краю, у пристани какой...»	40
Другу-однопольчанину	41
«Опять февраль снега вороочает...»	42
«Иду, в людской поток вливаясь...»	43

Владимир Михайлович

МАМАЕВ

ТИШИНА

Стихи

Редактор Л. Г л е б о в а

Художник В. К л и м о в

Художественный редактор

Г. К р а в ц о в

Технический редактор

Г. А д о в а

Корректор Е. Т и м о щ у к

Сдано в набор 20.I.1971 г. Подписа-
но к печати 28.VI.1971 г. Формат
60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,25. Ти-
раж 10 000. ОП15624. Заказ 1224.
Цена 14 коп.

*

Кемеровское книжное издательство,
Кемерово, 99, Ноградская, 5.
Полиграфическое объединение
«Томь», Кемерово, 99, Ноградская, 5.